

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

АМЕРИКАНСКИЕ ФАЛЬСИФИКАТОРЫ ИСТОРИИ АФИНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Оценка афинской демократии в буржуазной историографии древнего мира в течение последних 70 лет неизменно отражала политические потребности буржуазии в ее классовой борьбе с пролетариатом. В конце XIX в. реакционный характер буржуазной науки по древней истории с особой отчетливостью выявился в трудах немецких ученых. Дупкер и Юлий Шварц, Эд. Мейер и Пельман сознательно извращали и искажали действительный характер исторического процесса, фальсифицировали социальную историю древности и таким путем пытались «доказать» неизбежность капитализма, обреченность всех попыток революционного переустройства общества, необходимость установления «сильной власти» и подчинения всех классов общества интересам реакционного прусского юнкерства.

В наши дни, когда центр империалистической реакции переместился в Соединенные Штаты Америки, в книгах и статьях американских историков пыльным цветом расцвели всевозможные модернизаторские аналогии и параллели.

В этой статье мы остановимся на двух наиболее характерных направлениях в современных американских работах по истории древней Греции. Одно из них отличается резко отрицательным отношением к афинской демократии и открыто служит современным внутриполитическим целям американской реакции. Другое направление, прикрываясь либеральной, лжедемократической фразеологией, ставит своей целью оправдание агрессивных, экспансионистских тенденций американской внешней политики и прославление «преимуществ» капиталистического строя. Методологически оба эти направления характеризуются полным пренебрежением к раскрытию специфических закономерностей исторического развития различных общественно-экономических формаций и стремлением к антинаучным параллелям, замазывающим эксплуататорский характер капиталистического общества.

I

В 1940 г. в Америке вышла книга профессора Принстонского университета Вильяма Келли Прентиса под названием «The ancient Greeks». В. Прентис — не новичок и не случайная фигура в науке о древней истории. Его деятельность началась еще в конце прошлого века. В течение ряда лет Прентис принимал участие в археологических экспедициях, побывал в Греции и Малой Азии и издал собранные им в Сирии греческие и латинские надписи. Прентису принадлежит ряд статей в ведущих американских археологических и филологических журналах, он состоит членом различных научных обществ и ассоциаций. Таким образом, его книгу «The ancient Greeks» со всеми содержащимися в ней выводами нельзя рассматривать как плод научной неосведомленности или незрелости автора. Наоборот, как в авторском предисловии, так и в издательской аннотации подчеркивается сознательное желание Прентиса дать «освежающее» новое толкование» древней истории, основывающееся

на результатах его сорокалетней научной деятельности. Перед нами, следовательно, овершенно определенная попытка пересмотреть установившиеся взгляды на отдельные проблемы древней истории, причем Прентис сам указывает, что, посвящая книгу «The ancient Greeks» памяти своего учителя Эд. Мейера, он ставит своей целью возрождение на американской почве идей главы немецкого модернизма.

При этом Прентис не дает в своей книге последовательного изложения истории древней Греции, а выбирает по собственному усмотрению несколько отдельных проблем древнегреческой истории. Уже в предисловии к своей книге сей «ученый» муж сам выдает себе индульгенцию на вольное обращение с фактами и односторонний подбор источников, обещая цитировать только те из них, которые подтверждают его собственную точку зрения! Между тем всякий, кто хотя бы немного знаком с историей и экономикой древней Греции, легко обнаружит тенденциозность Прентиса в подборе фактов, многочисленные передержки и подтасовки.

По своим методологическим установкам Прентис целиком примыкает к модернизму Эд. Мейера. Без малейших колебаний он находит в древней Греции высокоразвитое капиталистическое общество, пришедшее на смену феодальному строю. Замалчивая конкретное своеобразие исторического развития Спарты, Фессалии, Афин в IX—VI вв. Прентис отождествляет фетов с пенестами и илотами, пазывает их всех крепостными и, не считаясь с отсутствием каких-либо свидетельств, сообщает о каком-то процессе добровольного перехода нуждающихся земледельцев в крепостное состояние. По мнению Прентиса, именно эта добровольная потеря бедняками своей независимости и «составляет, конечно, один из главных элементов феодализма» (стр. 64). Прентис, разумеется, совершенно игнорирует свидетельства Гесиода и Солона о бедственном положении независимых земледельцев, Феогида — об ожесточенной классовой борьбе между аристократией и демосом, который в VII—VI вв. как раз и состоял из массы обезземеленных крестьян. Вообще Прентис всячески стремится преуменьшить значение в греческой истории социальной борьбы крестьянства против аристократии. Признав без каких-либо серьезных доказательств подлинность свидетельств Аристотеля о конституции Дракона, Прентис пытается таким путем доказать, что борьба крестьянства за свою экономическую и политическую независимость не оказала существенного влияния на деятельность Солона и установление тирании. Он отказывается придавать значение решительно всем свидетельствам древних о происхождении тирании. Чтобы замазать то решающее значение, которое имела для установления тирании революционная борьба крестьянства, Прентис отвергает сообщения Геродота, Фукидида и Аристотеля, относящиеся к этой эпохе (стр. 73, 77, 78).

Эта фальсификация социальной истории древней Греции нужна Прентису для того, чтобы замазать, скрыть специфические особенности исторического развития рабовладельческого общества. По мнению Прентиса, греческое крестьянство уже в VII в. окончательно разорилось и утратило всякую связь с землей, превратившись в свободных наемных рабочих. В то же время Прентис категорически отрицает рабовладельческий характер греческих государств.

В результате последовательного искажения процесса общественно-экономического развития древней Греции Прентис рисует положение в Афинах V в. в таких выражениях, которые не должны оставить ни малейшего сомнения в капиталистическом характере афинской экономики. В цветущие времена, которые последовали за греко-персидскими войнами, многие бывшие крестьяне и сельскохозяйственные рабочие бросили деревню и толпами направились в Афины, в Пирей и в другие города Аттики(!), пишет Прентис. Здесь они, по [его словам, превращались в фабричных рабочих, докеров, грузчиков, мелких чиновников, курьеров в торговых конторах, а наиболее предприимчивые — в фабрикантов, судовладельцев, банкиров, ростовщиков (стр. 144).

Нас уже не должно удивлять, что извращенная картина, созданная Прентисом, не подкрепляется никакими документальными данными: мы знаем, что Прентис вообще не очень склонен к привлечению фактического материала. А так

как фактов, которые могли бы обосновать созданную Прентисом фальсификацию экономического развития Афин, вообще нет и не может быть, то вся его реконструкция покоится на песке и от начала до конца шита белыми нитками.

Столь же произвольны построения Прентиса, когда он переносит черты, характерные для эпохи капитализма на внешнеполитические отношения между греческими государствами. По его мнению, уже в VII—VI вв. войны между отдельными городами Пелопоннеса были вызваны «стремлением обеих сторон извлекать выгоду из экспортной торговли» (стр. 69; ср. стр. 170—177), а колонии являлись рынком сбыта для изделий отечественной промышленности метрополий и источником, поставлявшим сырье для этой промышленности — металл, кожи и т. д. (стр. 70).

Причину Пелопоннесской войны Прентис видит в борьбе двух крупных империалистических держав за сферы влияния и вывоза товаров [и проводит широкую аналогию между Афинами V в. до нашей эры и положением Британской империи в 1914—18 гг. (стр. 153—155)]. В этом антиисторическом поверхностном сравнении Прентис не делает никакого различия между капиталистической промышленностью современной Англии и ремесленным производством, характерным для рабовладельческой промышленности Афин; он делает вид, будто не понимает разницы между эксплуатацией английских колоний, вывозом капитала, территориальным и экономическим разделом сфер влияния и мировых рынков в эпоху империализма, с одной стороны, и эксплуатацией афинских союзников, ограничивавшейся весьма простой формой фороса, — с другой. Таким образом, картина политических и торговых связей между греческими городами, созданная Прентисом, отличается той же антинаучной модернизацией, что и общая «концепция» экономического развития древнего мира. Как мы уже указывали, методологически Прентис исключительно близок Эд. Мейеру с его реакционной «циклической» теорией развития мировой истории.

Однако методологическая преемственность построений Мейера носит у Прентиса отнюдь не абстрактный, не сугубо «теоретический» характер. Подобно тому, как «теория» Мейера стала в начале нашего века оружием идеологической реакции в империалистической Германии, так в руках Прентиса модернизация истории древних Афин является в наши дни оружием империалистической реакции в США в ее борьбе против демократии и прогресса.

По Прентису, промышленное развитие привело Афины не только к экономическому расцвету, но и к политическому господству многочисленного класса граждан, не обладающих ни землей, ни капиталом, — т. е., иными словами, «пролетариев». Эти последние составляли, по мнению Прентиса, большинство населения, «точно так же, как в современных государствах» (стр. 126), и, поскольку в Афинах каждый свободный гражданин обладал правом голоса, во власти этих «пролетариев» находился «контроль над правительством и государством» (стр. 127). С точки зрения Прентиса, в этом и состоял коренной порок афинского государственного устройства.

Прентис яростно обрушивается на афинскую демократию и воюет с ней, как с живым противником. Он характеризует большинство афинского демоса как «совершенно неспособное принимать важные решения, совершенно несмышленное, безрассудное, легко поддающееся руководству демагогов и ловких ораторов» (стр. 143). Прентис не жалеет бранных слов для описания «тщеславия и жадности», «подлости, лени и пустословия» народной массы. При этом союзниками Прентиса в оценке афинской демократии являются такие заведомые враги ее, как Пельман и Вилламовиц-Меллендорф. Под видом критики афинской демократии Прентис с полным сочувствием воспроизводит бредни по адресу «диктатуры пролетариата» в античном мире, принадлежащие перу немецкого фашиста Богнера.

Вывод, который из всего этого делает Прентис, полон неприкрытой ненависти к демократии: «Абсолютная демократия, — пишет Прентис, — столь же порочна как абсолютная монархия или абсолютная олигархия... Полный триумф демократии в Афинах в V в. до н. э. обозначал неограниченную власть самой широкой группы избирателей и притом наиболее безрассудных, наиболее фанатичных и наиболее безответственных» (стр. 152).

В своей оценке афинской демократии Прентис допускает два вопиющих искажения ее истории. Во-п е р в ы х, как мы уже видели, он совершенно игнорирует рабовладельческий характер афинской демократии и замазывает тот очевидный факт, что именно противоречия рабовладельческого способа производства привели к кризису афинского демократического государственного устройства. «Не демократия погубила Афины. как это утверждают европейские школьные учителя, вливающие хвостом перед монархами, а рабство, которое сделало труд свободного гражданина презренным», — указывал еще 65 лет тому назад Энгельс, разоблачая политическую сущность похода против демократии, предпринятого немецкими монархистами (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 98). В наши дни американский университетский профессор, выполняющий социальный заказ воротил Уолл-стрита, старательно повторяет реакционные измышления немецкой «науки», давно опровергнутые Энгельсом.

Во-в т о р ы х, Прентис сознательно умалчивает о том значении, которое имела афинская демократия для создания культурных ценностей мирового значения. «...Мы вынуждены будем в философии, как и во многих других областях, возвращаться постоянно к подвигам того маленького народа, универсальная одаренность и деятельность которого обеспечила ему такое место в истории развития человечества», — писал Энгельс (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. XIV, стр. 340).

Между тем, Прентис совершенно игнорирует в своей оценке афинской демократии такие источники, как погребальная речь Перикла у Фукидида и многие сообщения Лисия; как высказывания Эсхила и Геродота, отчетливо противопоставляющие афинское демократическое государственное устройство деспотическому правлению персидского царя. Как Прентис искажает историю Афин, лучше всего видно из того, что, объясняя причины расцвета Афин в середине V в., он совершенно умалчивает о демократизации государственного строя и о привлечении к общественно-политической жизни массы полноправных граждан, ссылаясь только на «индустриализацию» Афин. Прентис объявляет, что эта последняя «имеет больше значения для народа, чем любые перемены в форме государственного правления» (стр. 92).

Чем же объяснить, что, считая себя еще с 1897 г. учеником Эд. Мейера, Прентис только 40 лет спустя выступил со своей книгой? Едва ли ему только в 1940 г. стало понятно все политическое значение модернизаторских конструкций Мейера. Что же касается истинного отношения Мейера к демократии, то после его речей и выступлений в 1918—1919 гг. (см. особенно Ed. M e y e r, Kleine Schriften, т. II, стр. 516, 557—8, 570, 575, а также предисловие ко 2-му изд. «Caesars Monarchie...», полные злобных нападок на революцию и демократию) едва ли могло оставаться какое-либо сомнение в его политических симпатиях и антипатиях. Стало быть, Прентису нечего было ждать еще 20 лет, чтобы решиться посвятить свои реакционные писания патриарху немецкого модернизма и ярому врагу народных масс. Причина столь долгого выжидания Прентиса и объяснение прорвавшей его ярости кроется в политической обстановке, сложившейся в США в первые годы второй мировой войны.

Известно, что еще до начала второй мировой войны, а главным образом в 1940 г., в дни военно-политических успехов гитлеровцев в Европе, американские фашисты развернули особенную активность. 18 сентября 1940 г. в Чикаго была официально зарегистрирована профашистская организация «Америка прежде всего», и ее штатные пропагандисты начали бешеную демагогическую кампанию. Фашистский изувер «радиопоп» Кофлин уже провозвестил пришествие фашизма как орудия борьбы против коммунизма; газеты Херста и Маккормика открыто призывали к физической расправе с Рузвельтом, а фашистская кликуша и шпион «третьей империи» Лаура Инголлс ожидала, когда «мистер Гитлер займется вшивой демократией в США». В это время и вышла в свет книга Прентиса, в которой характеристика Перикла и афинских демагогов поразительно напоминала нападки на Рузвельта, предпринятые американским «фюрером» Линдбергом и его подручными. Книга Прентиса о древних греках влилась в общий поток фашистской пропаганды и исключительно наглядно обнаружила подлинное социально-политическое, значение антинаучных

модернизаций античности. Недаром американские и немецкие рецензенты книги Прентиса ни словом не обмолвились против порочной, антинаучной методологии Прентиса, а еженедельная газета «Classical Weekly» поспешила сообщить своим читателям, что «никто, интересующийся проблемами современной демократии, не может позволить себе пренебречь этим трудом».

И действительно, не без влияния идей Прентиса в одной из работ справочного типа по древней Греции появилось, например, такое рассуждение: демократический образ жизни... приучает-де граждан к легкой жизни и комфорту, праздности и покою (!), и в этом таится угроза самому его существованию, так как в результате злоупотребления свободой (!) демократия легко может выродиться и уступить место своеволию и распущенности (MacArthur, Ancient Greece in Modern America, 1943, стр. 191). «Благотворное» влияние Прентиса чувствуется и на заключительной главе книги В. Эренберга «The people of Aristophanes», полной презрения к народным массам и преклонения перед «аристократами интеллекта». Впрочем, можно заметить, что Эренберг сам по себе отличается достаточной реакционностью, чтобы притти к злобным нападкам на демократию своим путем, без посторонней помощи.

Поход против демократической идеологии принял тотчас после окончания второй мировой войны невиданно откровенную форму. В нем объединились в единый фронт расистская «академическая» социология Богардуса и «прагматистская» философия Джона Дьюи, фашиствующий «американский индивидуализм» Герберта Гувера и правосоциалистическое ренегатство кочующего лейбористского лидера Гарольда Ласки.

Не преминули примкнуть к этому походу и американские античники. В январе 1946 г. некий Иозеф Мэгайр выступил в философском журнале Чикагского университета с откровенной антисоветской статьей «Some greek views of democracy and totalitarianism», в которой он под маркой реабилитации Платона разразился злобной клеветой по адресу марксизма. Мэгайр не пренебрег ничем из грязного арсенала лжи и клеветы врагов материализма и демократии, «выискав» с этой целью в древней Греции «диктатуру пролетариата». Трудно сказать, чего больше у этого защитника «демократических идеалов» Платона — вопиющего невежества в области древней истории и философии или слепой ярости против коммунизма. В своих злобных нападках на коммунизм и демократию Мэгайр непосредственно опирается на «наследие» Эд. Мейера и его американскую разработку Прентисом. Ведь не кто другой, как Мейер, в своих «теоретических исследованиях» вопросов истории с пеной у рта воевал против «материализма», вульгаризируя его самым отвратительным образом и сводя все материалистическое понимание истории к биологическим отправлениям тела (см. Kleine Schriften, т. I, 1924, стр. 6—10, 36), и не кто другой, как Прентис, пересадил на американскую почву реакционную фальсификацию древней истории пельмановско-богнеровского типа, сделав ее средством клеветы на Советский Союз. Для судьбы мейеровской «методологии истории» достаточно показательно, что уже знакомый нам Эренберг, выступавший в 1930-х гг. с известной долей критики по адресу методологических позиций Эд. Мейера, в 1947 г. в послесловии к своей книге «Aspects of ancient world» целиком повторил «доводы» Мейера против «биологизма» марксистов и призвал вернуться от теоретических обобщений исторического процесса в духе материализма к идеологии Платона и библии!

Пример Мэгайра достаточно показателен для суждения о классовом характере фальсифицированных модернизаций античности в послевоенный период. Прентис и Мэгайр, Эренберг и Макартур искажают и фальсифицируют историю древней Греции, и особенно афинской демократии, в угоду своим хозяевам — владельцам монополий и концернов, ярым врагам демократии и прогресса.

II

Чем больше распоясывается американская реакция в области внутренней политики, тем более лицемерным становится поведение ее прислужников на международной арене.

В то время как американские стратегические базы опоясывают весь земной шар и военный психоз в США подогревается десятками газет Херста и Маккормика, «ученые» апологеты американского экспансионизма стремятся оправдать создание всевозможных «западных», «средиземноморских», «северо-атлантических» и прочих агрессивных блоков разговорами о «мировой миссии» американской «демократии». В то время, когда «маршаллизация» Западной Европы несет европейским странам, разоренным в результате гитлеровского нашествия, полную потерю их политической и экономической независимости, находятся «ученые», «обосновывающие» необходимость и даже желательность для этих стран потери ими своего суверенитета в «добровольно» созданных «Соединенных Штатах Европы», конечно, под верховным «руководством» США. Большая группа продажных англо-американских историков древнего мира изображает США единственным наследником и преемником демократических идеалов античных Афин. В противоположность Прентису и Мегайру, они положительно оценивают афинскую демократию в целом, но указывают на ряд таких ее недостатков, которые-де совершенно изжиты в современной американской демократии. Методологической основой этих аналогий является то же игнорирование специфических особенностей исторического развития различных общественно-экономических формаций, которое приводит к откровенно реакционным построениям Эд. Мейера и Прентиса.

Понятно, что эти «ученые», идеализируя афинскую демократию, замалчивают тот основной факт, что античная демократия была демократией рабовладельцев.

Политическую сущность либерально-буржуазной идеализации рабовладельческой демократии разоблачил еще 39 лет назад В. И. Ленин. «Всякий знает,— писал Ленин,— что восстания или даже сильные брожения рабов в древности сразу обнаруживали сущность античного государства, как диктатуры рабовладельцев. Уничтожала ли эта диктатура демократию среди рабовладельцев, для них? Всем известно, что нет» (Соч., т. XXIII, изд. 3-е, стр. 340).

Известно это и современным американским историкам древнего мира. И если они замывают классовый характер античной демократии, то делают это как раз для того, чтобы скрыть классовую, эксплуататорскую сущность современной американской демократии,—«узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной», являющейся «раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных» (В. И. Ленин, там же, стр. 346).

Американский историк Ф. Мэрш еще в 1930-х гг. занимался поисками параллелей между древним миром и Соединенными Штатами Америки. Результаты его «изысканий» были опубликованы в 1942 г. в его посмертной книге «Modern Problems in the Ancient World». В этой книге Мэрш объяснял создание Афинской империи необходимостью ликвидации безработицы в Афинах, отождествляя при этом безработицу в современной Америке с люмпенпролетаризацией непосредственных производителей в древней Греции. Таким образом, оправдывая империалистическую экспансию необходимостью «жизненного пространства» для экономически развитой нации, Мэрш фактически приходил к расистской «геополитике». Нетрудно понять, что современные организаторы «маршаллизации» Западной Европы фактически осуществляют на практике теоретические изыскания Мэрша, стремясь избавиться от кризиса и безработицы в Соединенных Штатах при помощи безудержной внешней экспансии.

В годы второй мировой войны, а особенно после ее окончания, в США появились десятки книг и статей, обосновывающих в разной форме претензии Америки на мировое господство. При этом «ученым» апологетам американской экспансии приходилось и поныне приходится учитывать огромный международный авторитет Советского

Союза и симпатии, которыми он пользуется у прогрессивно мыслящих американцев. Наиболее ловкие американские историки и социологи отдают себе отчет в том, насколько невыгодно пропагандировать идею «мировых Соединенных Штатов» в ее явном антисоветском, антидемократическом обличье. Тут им и приходят на помощь «печивинные» аналогии из древней истории. Так, некий К р а м е р еще в 1943 г. поместил в «Classical Journal» статью «The Implications of the Delian Confederacy for «Union Now» Movements», усиленно пропагандируя в ней идею создания послевоенного «мирового правительствия» или какого-либо Атлантического блока под «руководством» США. Достаточно показательно при этом, что, проводя сравнение между положением различных греческих государств в V в. до н. э. и расстановкой сил во время второй мировой войны, Крамер строит аналогию таким образом, чтобы всячески возвеличить Соединенные Штаты и оклеветать Советский Союз.

В роли наиболее откровенного апологета американских захватнических планов выступил недавно известный английский экономист, консервативный политический деятель Альфред З и м м е р н, автор книги «The Greek Commonwealth» и ряда статей из области древнегреческой истории, опубликовавший в журнале «Classical Journal» статью под заглавием «Athens and America». Этот «opus» Зиммерна содержит целую программу «демократической» американской экспансии, «подкрепленную» историческим опытом Афинской империи. Помещая статью Зиммерна, редакция снабдила ее ширококешательным рекламным заголовком. «Может ли американская политическая мысль, — спрашивает редакция журнала, — проложить в мире путь распространению концепции свободы, которая основывается на законе, находящемся в н е п р е д е л о в н а ц и и?» Разумеется, статья Зиммерна для того и помещена на первых страницах очередного номера журнала, чтобы дать на этот вопрос положительный и к тому же «научно-обоснованный» ответ.

Зиммерн начинает с того, что намечает целый ряд пунктов, в которых, по его мнению, американский образ жизни имеет подобие с образом жизни древних греков. Мы найдем тут восторженные похвалы и американской свободе, и американской культуре, и даже... «наступательному характеру» американской нации, перед которой должны расступиться все другие народы мира. Таким образом, Зиммерн с полной откровенностью выступает перед нами как провозвестник «великой исторической миссии» американской «демократии».

Однако наиболее характерные аналогии существуют, по мнению Зиммерна, между п о л и т и к о й древних Афин и современных Соединенных Штатов. Америка оказывается у Зиммерна прямой преемницей демократических традиций Афин. Он недвусмысленно заявляет, что после поражения афинян в Пелопоннесской войне «верховная власть в мировых делах никогда не находилась в руках народа, преданного принципам конституционной демократии, как Перикл изложил их в погребальной речи, пока Соединенные Штаты не встали во весь рост в результате второй мировой войны». Но Зиммерну известно, конечно, что морская держава Афин не выдержала испытания истории и что «союз конституционного управления и господствующей вооруженной силы оказался недолговечным». Сумеют ли Соединенные Штаты, которым, по мнению Зиммерна, предназначена главенствующая роль в послевоенном мире, «избежать ошибок, оказавшихся роковыми для афинского эксперимента»? Может ли вообще демократическое государство осуществлять м и р о в о е г о с п о д с т в о? Зиммерн, старый политикан и дипломат, конечно, чувствует всю шекотливость подобного вопроса и пускается в рассуждения, которые, однако, только выдают с головой подлинный политический характер его проповедей.

Почему демократические Афины плохо обращались со своими союзниками, в большинстве своем также демократическими государствами? — спрашивает Зиммерн и тут же дает ответ. Если бы афиняне «расширили область социальной морали (которой они внутри государства подчинили свою индивидуальную мораль) путем распространения норм закона — или, точнее, путем соединения близких областей закона в е д и н у ю, п р е о б л а д а ю щ у ю с у в е р е н н о с т ь», они бы, конечно, обеспечили долговечный успех Делосского союза, уверяет нас Зиммерн. Итак,

вывод нашего «историка» прост и ясен: стоит только отдельным государствам отказаться от действующих в них законов, от своего национального суверенитета, — и мировое государство будет создано, и всем будут обеспечены блага «единой демократии»! Хорошо и удобно!

Остается, однако, еще один, последний вопрос: возможно ли, чтобы различные государства отказались от своей традиционной «неуступчивости» во внешних сношениях? Зиммерн полагает, что осуществление подобного предприятия, невозможного еще несколько лет тому назад, в наши дни значительно облегчается благодаря... открытию атомной бомбы (!). Перефразируя известные слова Фукидида о войне как насильственном учителе людей, Зиммерн пишет: «В наши дни наука является таким же насильственным учителем, и неизвестно, насколько далеко она может увести нас вперед в повиновении новой и более широкой законности». Стало быть, все свои надежды Зиммерн возлагает на запасы атомных бомб, накапливаемые американской военщиной. Нечего сказать, вполне подходящее средство для установления «конституционной демократии» в мировом масштабе!

Следует еще, может быть, добавить к этому, что Зиммерн не всегда был таким ярким защитником американского экспансионизма, хотя он уже давно носится с идеей «мировой демократии». Свыше 20 лет назад Зиммерн достаточно откровенно отзывался о неуважении, которое американские монополисты уже тогда проявляли к национальному суверенитету, национальным традициям, языку и культуре европейских стран. Зиммерн отчетливо представлял себе тогда, что за американскими «благоденствиями» в отношении Европы скрывается «империалистическое стремление превратить Дунай в европейскую Миссисипи», что «американское влияние, сведенное к конкретному выражению, обозначает власть американских денег» (См. A. Zimmern, *The prospects of democracy and other essays*, London, 1929, стр. 144—145). Однако откровенный отзыв Зиммерна об американских экспансионистских планах меньше всего был тогда продиктован его неприязнью к империалистической экспансии вообще. В том же 1929 г. Зиммерн выступил со своим планом «мировой кооперации» государств и тогда же совершенно недвусмысленно указал, что «мировая кооперация и национальный суверенитет — взаимоисключающие понятия» (там же, стр. 330—331). Вся разница в том, что 20 лет назад в виде образца «мировой демократии» Зиммерн выставлял «Британское содружество наций» как идеальное воплощение всеобщего мира, доверия, демократии и справедливости (там же, стр. 337, 369), а в наши дни возлагает все надежды на империалистическую политику США, вооруженных атомной бомбой!

Эволюция взглядов Зиммерна на американскую экспансию свидетельствует о глубоком моральном падении «ученых» апологетов империализма. В то же время статья Зиммерна с полной наглядностью разоблачает истинный политический смысл антинаучных параллелей между современностью и античностью. Пример Мэрша, Крамера и Зиммерна не оставляет ни малейшего сомнения в том, что оправдание империалистической экспансии и прославление насквозь прогнившего капиталистического строя составляет главную политическую цель модернизации древней истории.

В. Н. Ярхо

К ИСТОРИИ ВОПРОСА О ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Двести лет проблема греческой колонизации стоит перед западноевропейской наукой; ежегодно западноевропейские ученые в общих курсах, экономических трактатах и специальных исследованиях определяют греческую колонизацию с чисто классовых позиций европейцев-колонизаторов. Может быть, беспомощность буржуазной исторической науки, примитивность ее исторических воззрений, эклектизм и грубая модернизация нигде не отразились так ярко, как в трактовке причин и поводов греческой колонизации. Не было ни одного буржуазного историка, который не оказался